

ПОКИДЬКО

Варвара Алексеевна,

ветеран Великой Отечественной войны.

В рядах Советской Армии

с июля 1941 г. по декабрь 1945 г.

Служила в 51-м отдельном полку связи

в Московской зоне обороны.

Награждена орденом Отечественной войны

II степени, медалями «За победу над

Германией», «За оборону Москвы».

В 70-х гг. – рабочая по озеленению

в НИИПТИЖе ЦЗ,

далее – в Белгородском СХИ.

ВОЙНА

1941 год, 22 июня. Я в это время находилась на дежурстве. Это было воскресенье. Я включила радио. Министр иностранных дел Молотов сообщил, что сегодня ночью 22 июня 1941 года Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз и уже бомбила Киев, помните песню: «22 июня ровно в 4 часа Киев бомбили и объявили, что началась война...».

Я с ужасом повернулась к окну, открыла его, а там народу собралось возле репродуктора, по которому передавались новости о войне. Люди жадно слушали известия, одна женщина рыдала: «Не отдам тебя, не отдам...», а он ей в ответ: «Успокойся, я вернусь с победой». Но он не вернулся, и из каждых десяти мужчин – восемь не вернулись.

А в прошедшую ночную смену прозвенел звонок, который был прикреплен к стенке и никогда не звонил. Я позвонила начальнику связи, он немедленно спустился ко мне, попросил квартиру военкома и сообщил ему о звонке. Военком глухой ночью поднял все начальство района, и уже тайно началась мобилизация, но пока не объявил Молотов, никто не знал, что происходит. Потребовалась телефонистка с нашего района. На телеграфе нас работало четверо, у двоих были дети, одна была после операции, осталась я, а мне хотелось тогда к Мише в Си-

бирь. И меня повезли на грузовой машине в Алексеевку за двадцать пять километров. Там шоферу было поручено взять телеграфистку Аню Ермоленко из Алексеевки. Так мы с Аней уехали на Воронеж, это была наша область. Приехали в Воронежский облвоенкомат, а там уже телеграфистка из Калача Ольга Дубинина, из Кантемировки Фрося Екименко, из Грязей Наташа Зубарева, из села Графское, что под Воронежем, Варя Енина, Саша Чурилова, не помню откуда, Женя Зайцева из Острогожска. Люба Турбина, Валя Попова, Наташа Ушакова, Парфенова Аня, Князева, уже участвовавшая в финской войне и имевшая медаль, Катюша Коваленко, которая умела говорить, как ребенок и в часы досуга развлекала нас: «Ну какое несчастье с лошадкой, гадкий Колька ей хвост оторвал, я заткну эту дырочку веткой, но боюсь, что мой конь захворал». А что касается Турбиной и Поповой, то это были такие танцоры! Барыню и сибирячку отплясывали.

Нас повезли в город Моршанск, где хвойные леса, много грибов. Нам давали десять рублей на месяц, и мы покупали на рынке пироги с грибами, и ели с удовольствием. Разместили нас в домиках на опушке леса, офицеры обучали нас военному делу. Мы начали изучать винтовку образца 1891 года, карабин, его отличие от боевой винтовки, гранату «лимонку», пулемет «Максим», зажигательные бутылки. Показывали нам, как быстро окопаться саперными лопатками, как делать одновременное телефонирование и телеграфирование телефонного аппарата «Уна - фи» и «Уна - и». Учили строевому шагу, приветствованию командиров, военному уставу. Изучали приказы Сталина, учились вести штыковой бой и многое другое. Теорию мы изучали очень хорошо.

Недалеко протекала река, и нам было разрешено купаться. Вода в речке была теплая и чистая, а мы все в пыли от строевого шага и других занятий, и мы девушки блаженствовали и помыли в речке головы. Волосы высохли, мягкие и блестят. Мы блаженствовали, а через неделю появились в голове вши, да столько, что чесали гребенкой и частым гребнем. У одной девушки гнид было столько, что голова казалась высыпана бисером.

А со мной еще хуже получилось, укусил малярийный комар и я первый раз в жизни заболела малярией, и так сильно, что температура семь дней была за сорок. И куда тело делось, я целую неделю ничего в рот не брала. Потом мне сделали три укола, на руке остались три шишки, которые долго не рассасывались, но температура стала спадать. И мне хотелось пить, я прошу воды, а сестра и врач не разрешают. А у меня душа с телом расстается. В «мертвый» час я хотела встать, но тело недвижимо, я скатилась с кровати и поползла на четвереньках в коридор, там стоял бак с водой. Я открыла кран и глотала. Наверное, половину бака выпила. Помирать, так с музыкой! Слышу, из моей палаты: «Сестра! Сестра!». Сестра выскочила, а я уже ползу по кровати, а она как заорет: «Помрешь, так я отвечать буду». Я ответила, что не помру, не беспокойтесь, и начала уже садиться на кровать. Затем постепенно стала принимать пищу. Когда меня выписали, у меня кирзовые сапоги, вещмешок, и я не могу идти очень тяжело, и машину не прислали. Когда шли строевым, я отставала от всех шагов на десять, командир выходил сам из себя. Но потихоньку я пришла в норму. Нас посадили

в теплушки и повезли не знаю куда. Войны еще не видели. Похолодало, теплушки холодные, а мы песни орем, нам все нипочем. Поезд остановился, поздний вечер, должен быть ужин, но вдруг как что-то трахнет. Задрожал весь вагон, оказывается – бомбежка. Прямым попаданием в наш состав разбивает нашу кухню. Парторг перепугался, вы тут живые? Да! Отвечаем мы. Ужина не было, но все же по куску хлеба, селедки и стакан воды нам дали. Так мы получили первое боевое крещение, парторг нам сказал, что Москва окружена с трех сторон, и что бомбежки здесь постоянные. Вскоре подъехали студебеккеры, нас погрузили и повезли ночью в так называемые Лефортовские казармы, где когда-то стояли Семеновские полки. Переночевали в одной из комнат, и повели нас в столовую, столовая хорошая, покормили хорошо: горячий кусок хлеба и чай с двумя кусочками сахара. И только вышли из столовой, прямое попадание бомбы в столовую. Столовая разбита вдребезги. Значит, не смерть нам.

Немец бомбит Москву двадцать четыре раза в сутки, каждый день налетает большое количество самолетов, воздушные тревоги, жуть, бомбежки изнуряют нас. Мы уже работаем в штабе Московской зоны обороны по улице Осипенко, большой дом, пятьдесят две ступеньки вниз, там наш узел связи, первая комната морзистов, влево телефонный коммутатор. Аппараты «бодо» работают клавишами, как пианино, и на них работают две девушки, Ольга Украинцева и Маша Рыбкина. Потом комната механиков и инженеров. Тут же на входе комната экспедиторов, они доставляют телеграммы, которые поступают из аппаратов, а у нас в комнате есть стол для начальников смены.. Я была призвана в армию, чтобы вести прямые переговоры по телеграфу, принимать шифровки и кодировки, а также простые телеграммы. И вот первые мои переговоры. Я имела на это право по приезду в Москву.

Нас обмундировали: выдали гимнастерки, мужские брюки галифе, так как юбок еще не нашли. Было начало войны. Так как было уже холодно – ушанки исподнее белье миткальное, мужские рубашки и кальсоны. Дали нам красноармейские книжки, боевые винтовки, вещмешки и противогазы. И теперь я красноармеец 51-го отдельного полка связи, входящего в состав Московской зоны обороны. Общей связью командовал генерал-майор Бородулин. И мы держали связь с передовыми частями Красной армии. Немцы подошли к Москве очень близко. Полком нашим командовал полковник Киселев. Здесь прибавились еще девушки: Клава Киселева, Таня Соловьева, Маша Кашкина, Валя Мухина, Полина Зародиш, Соня Адамова и другие девушки.

И вот первый разговор, здесь сидит начальник смены Сафронов, заходит большой чин, ему подали стул рядом со мною. И первые его слова: «У аппарата командующий войсками летных частей Московской зоны обороны генерал-майор Руденко». Я все это прострочила ключом. Переговоры прошли на высоком уровне. Генерал меня поблагодарил за хорошо проведенные переговоры и пожал руку начальнику смены. Начальник смены доволен. Я очень хорошо знала аппарат Морзе, который состоял из двух частей: приемной и передаточной. Приемная часть состоит из цоколя, на нем установлена металлическая коробка, в ней часо-

вой механизм, а с наружи лентопротяжный валик, лентонажимный валик, резервуар для чернил, катушка для наматывания ленты и барабан. Передаточная часть справа от приемной части. На эбонитовой пластине установлен ключ передаточный, и путем размыкания и замыкания электрической цепи, я делала точки и тире и составляла слова из точек и тире. Я была телеграфисткой со стажем и поэтому передавала ключом очень быстро, а ленточку читала, как газету. Я была довольна собою, и передавала также шифровки и кодировки без ошибок. Это начальство замечало и относилось ко мне хорошо.

Мы были поделены на две смены и менялись в восемь часов утра и в восемь часов вечера. Работали без выходных, ездили на студебеккерах, но однажды машины не прислали, и мы должны были ехать на попутных. Стоим на трамвайной остановке, один трамвай не остановился – люди на крыше и на подножках, другой тоже проехал мимо. А нам нужно вовремя смениться. Люба, наша командирша, говорит: «Так, подруги, я ложусь на рейсы поперек, а вы становитесь за моей спиной в ряд». Так и сделали, едет трамвай и только на полтора шагах остановился перед нами. Очень страшно было, но мы выстояли. Водитель трамвая открыла двери, оттуда посыпались люди, мы мгновенно вбежали в трамвай и закрылись. Водитель трамвая, злая, как зверь, звонила, кричала на нас: «Ах вы мерзавки, сволочи, военные подстилки (ППЖ – полевая походная жена). А если бы я кого-нибудь раздавила, меня бы посадили, вы этого хотели?». Наша командирша запела во весь голос: «Девки спорили в трамвае, у кого она кривая, оказалась кривая у кондуктора трамвая».

Салон дрогнул от смеха, а она еще пуще разозлилась: «Я вас везу. А вы?». А наша начальница опять: «Девки спорили на даче, у кого она лохмаче?» и т.д. Доехали мы до штаба вовремя, без потерь. Помахали ей ручкой и пошли принимать смену. В армии так, кого только ни встретишь. Но я была удивлена, несмотря на бесконечные бомбежки, люди еще не разучились смеяться. Однажды бомба попала в Большой театр, людей там не было. Еще бомба упала в Москву реку, и дно ее на таком уровне, как наш узел связи. Пол и вся наша аппаратура дрогнули. Попадали бомбы в магазины, на рынки. Ужасно!!! Днем и ночью изнуряют нас. Перед 7 ноября сбросили листовки: «Русь сдавайся, мы перед 7 ноября будем праздновать в ваших ресторанах победу. Москва уже наша, вы войну проиграли».

Пошел слух среди населения, что Москву немцы уже взяли. И тут по радио для поднятия всем морального духа передают сообщение, что командующий войсками передает приказ всем воинским частям, что 7 ноября 1941 года состоится парад Советских Красных войск на Красной площади. Это было вечером, часом в 8, мы с девчатами переглянулись и подумали, что Сталин сошел с ума, или хочет море крови. Но утро вечера мудренее, выходя утром на улицу, я заметила, что небо увешено дирижаблями, везде стояли танковые заграждения, зенитчики с зенитными установками и целую ночь полетов не было, так как не было воздушной тревоги. Ночью спала плохо, тревожно было на душе.

Парад на Красной площади состоялся на высоком уровне. Слушали речь

Сталина, и ни один «стервятник» не проник на территорию, где происходил митинг. А после парада части Красной армии сразу отправлялись на передовую. Так был развеян миф о взятии Москвы немцами, и еще Сталин сказал, что наши войска скоро прорвут линию обороны и погонят немцев на Запад. Вскоре командующий войсками издал приказ о наступлении и обратился к населению, что «пружина народного гнева закончилась, она сжата до отказа. Наступил час расплаты».

И это случилось, наши войска перешли в наступление. Начали освобождать деревни, поселки, населенные пункты. В числе освобожденных был город Волоколамск. У меня с Волоколамском по телеграфу была связь. Поступали гражданские телеграммы, например, «немцы угнали корову», «немцы увезли девушек в Германию», «немцы сожгли сарай и дом», «немцы расстреляли односельчан». И вдруг последняя телеграмма Главнокомандующему: «Волоколамские партизаны нашли и откопали тело Зои Космодемьянской. Сообщите, пожалуйста где, когда, и как будем хоронить?». Главнокомандующий отвечает, что Зою Космодемьянскую будут хоронить на Девичьем монастырском кладбище, со всеми воинскими почестями, тело Зои предадут кремации.

Такую вот телеграмму приняла лично я и гордилась этим. И, наверное, за то, что я передала ответ Главнокомандующего партизанам, мне вручили билет на похороны Зои Космодемьянской. Я с группой рядовых и командиров отправилась на похороны. Не помню, на чем ехали, но остановились у какого-то помещения, когда шли, полурастаявший снег хлопал под ногами, значит, это был или конец февраля, или начало марта.

Впереди нас шел взвод автоматчиков, они за ремень на шею повесили свои автоматы, а в руках несли букеты цветов ярко-красных, не помню, гвоздики это были или тюльпаны. Здание, к которому мы подъехали, как нам затем сказали, был райком комсомола, в котором Зоя состояла на учете. В вестибюле этого здания на столе стояла урна с прахом Зои и ее портрет, который печатали в газетах. На кладбище народу было много. Там высокая трибуна, и начался митинг, выступал секретарь райкома комсомола, представители от Красной армии, от партизан, и выступала ее мама. Со слезами она говорила, что ее Зоя не только дочь, но и большой друг. Она много рассказала про Зою, и что теперь она живет письмами, которые приходят к ней из всех уголков Советского Союза. Она попросила красноармейцам отомстить за ее дочь. Уходя на фронт, Зоя сказала: «Мама, я не могу отсиживаться, когда немцы Москву окружают». И последними ее словами были «Вернусь героем или умру героем». Надо отметить, что в то время Зоя для молодежи была символом чистоты, красоты и геройства. Все хотели быть похожими на Зою. Сейчас у нас героини – проститутки, потому что много получают денег, продавая свое тело, наркоманы, пьяницы, воры. А Зоя, не получая за это ни копейки, отдала свою жизнь в борьбе с врагом за Родину. В ее записной книжке было написано: «Не запирайся в свою скорлупу, не кричи, что тебя не ценят и не уважают, а больше работай над собой, и у тебя будет больше уверенности в себе. Плач в тяжелую минуту, что дождь в майскую засуху». Ее молодой человек пишет: «Моя любовь к Зое – глас вопиющего в пустыне, Зоя не любит меня».

А еще слова Чернышевского: «Умри, но не давай поцелуя без любви». В

1986 году в годовщину смерти Зои Космодемьянской в газете «Комсомольская правда» Л. Овчинникова писала: «Две враждебные силы столкнулись в неприметной деревеньке Петрищево. Самоотверженность и жестокость, одухотворенность и тупость, мужество и цинизм.

С каким хладнокровием фашисты мучили Зою, фотографировались около виселицы. Не помянули стянуть с ног сапоги перед казнью. Кололи ножами ради звериного развлечения смерзшееся тело девушки. Носили снимки в грудных карманах, не зная стыда. Судьба Зои, юной и прекрасной, принявшей мученическую смерть, была как удар света, при котором люди увидели сытую звериную физиономию фашизма. Да понимаем ли мы, что случилось тогда, до конца...».

Вскоре через нашу аппаратную пробежали два больших начальника в аппаратную СТ-35, там была связь № 1. Говорил сам Сталин. Позже мы узнали, что он разговаривал с Рокоссовским и Жуковым. Рокоссовского мы узнали по фотографиям, которые печатались в газетах, высокий, хорошего телосложения, красивое лицо, высокая генеральская серая барашковая шапка. Одно загляденье.

После того, как Красная армия отбросила немцев далеко на запад, штаб Московской зоны обороны свою миссию выполнил и уже больше здесь не потребовался. И нас посадили в теплушки и повезли в Белоруссию. Проехали Гжатск, Вязьму, Смоленск. Камня на камне нет, все разбито бомбами.

И все-таки в Смоленске мы остановились. На площади его горела огромная куча каменного угля, языки пламени доставали чуть ли не до неба. Мы поехали дальше на Минск. Минск разрушили на 90-95 %. Мы все-таки нашли один целый нижний этаж, но с пробоинами, и в них сыплется снежок. Мы нашли печку-буржуйку, торчала изломанная мебель, стол разбитый, стулья, искореженная детская кроватка. Затем котелки с водой поставили на печку, хотелось помыть голову. Так один котелок теплой воды на одну голову, а кусок хозяйственного мыла разрезали на шесть частей, одну шестую каждому. Мы мыли головы, вытирались маленькими полотенцами и надевали шапку-ушанку, на улице было очень холодно. Но пока горела буржуйка, мы наслаждались теплом и пели песни: «Так что ж, друзья, коль наш черед, идем, друзья, идем, за то, что было у нас вчера, за то, что нынче ждем». Где-то раздобыли открытки и дарили друг другу. Мы, одетые в шинели и в шапки-ушанки, спали на голых кирпичках. Вот так мы встречали Новый год и другие праздники, но хорошо, что бомбы не сыпались на наши головы и нас не обстреливали. Сердца наши ужесточились, и не было к сердцу доступа ни любви, ни ласки. Война только началась, кровавые бои, никто из девушек не думал, вернется ли домой. Слишком жесток враг. И послали наших девушек охранять бензохранилище, недалеко от нашего штаба. Темнота. И в глубокую ночь слышится разговор немцев. Душа в пятки ушла, но если они нападут на нас, то можно отстреливаться, а трогать их не нужно. Ну потом пришли ребята из другой части, и нас сменили.

Ездили по Белоруссии и по-белорусски поем: «Мы идем за великую Родину, нашим братьям по классу помочь, шаг нашей родиной пройденный прогоняет зловещую ночь». Остановились, нас расформировывают. Меня посылают в дивизию работать на аппарате Морзе. Мне дали хорошую телеграфистку 1-го

класса Варю Енину. Мы с нею хорошо сработались. В этой дивизии телефонная связь часто прерывалась, а наша морзянка работала, как часы. В любое время дня и ночи – переговоры, шифровки, кодировки и другие телеграммы. Бывало работали и полсуток, и без выходных, иду в столовую, меня подменяет партнерша. Ели горячие супы, кусочек рыбы, хлеб, чай.

Спали на деревянных топчанах, матрацы набиты соломой, подушка с сеном, да это не жизнь, а рай. Сравнительно тепло, топим «голландку» сами. Я и она не из неженков. Начальство больше пользовалось телеграфной связью, чем телефонной. Ночью у нас горела керосиновая лампа, так как и ночью у нас не смолкал аппарат. Здесь мы работали в безопасности, чтобы к нам пройти, нужен был пропуск и пройти двух часовых. Здесь же внизу располагалась комендатура и на входе часовой. Нам нечего было бояться. И все же под дверь нам подбросили связанного по рукам и ногам мужчину. Организация «Смерш» с нас, связистов, глаз не спускала, а нам что? Да пусть смотрят. Конечно связь на войне очень нужна, и без связи войны бы не получилось.

А один раз было страшное зрелище в этой дивизии, его организовало командование дивизии. В эту дивизию прислали пополнение из полесья, и мальчики вооружены Евангелие. А в Евангелии говорится о том, что оружие в руки брать нельзя, убивать людей запрещено богом, они верующие и три человека не взяли оружие в руки огнестрельное. Тогда дивизия вся до единого солдата и офицера была выстроена в поле буквой «п». А три мальчика стояли напротив, против всего состава дивизии. Сначала нам объяснили, что «дорогие красноармейцы, сержанты, старшины, офицеры, генералы, Красная армия гонит врага на запад и с большими для нее потерями, но враг еще силен и коварен. Наша дивизия получила подкрепление с полесья, очень многие молодые мальчики имеют на руках Евангелие, в нем говорится, что убивать людей грешно, и мальчики не взяли в руки оружие, три человека, такой-то, такой-то и такой-то». Тогда прокурор дивизии читает приговор к расстрелу этих мальчиков и назвал стрелков, которые приведут в исполнение приговор. И последовал выстрел. С одного выстрела мальчики упали в ямы, которые заранее уготовили для них. На душе так неприятно до ужаса. Но кончать войну надо, а еще до конца далеко. Есть ничего не хотелось. Другое дело – человек погибает в бою, и то невозможно без ужаса смотреть, а тут совсем другое дело. Но на войне, как на войне. Мы, девушки, взятые из деревень и районов, имели православную веру и, если потребовалось, мы бы взяли в руки оружие, нас ведь обучили стрелять. Но пока наше оружие – азбука Морзе и аппарат Морзе. В армии во Второй Отечественной войне служило очень много женщин. Мы знаем кинофильм «В бой идут одни старики», где показано участие летчиц. Еще в армии были девушки-зенитчицы. Много девушек были снайперами, стреляли мастерски, без промаха, известная снайпер Людмила Павлюченко.

Мы видели фильм «Семнадцать мгновений весны», а также «Майор Вихрь», где показана судьба девушки-радистки. Девушки работали в столовых, прачечных, на складах. Многие из женщин не вернулись с войны. Конечно, вечная им память, и, хотя в армии их было намного меньше, чем мужчин, но они

много сделали для победы. Также очень много женщин немцы увезли в Германию в лагеря, а самых красивых девушек 17-19 лет обучали немецкому языку и отправляли в дома терпимости.

Женщина – ведь это чудо природы, только она может продолжать жизнь на земле, и, если бы не женщина, мир кончил бы давно свое существование, я имею в виду человечество.

Я забыла назвать участие в войне женщин и девушек артистов и корреспондентов, очень часто они выступали на передовой линии фронта, давали концерты и нередко попадали под обстрел и бомбежку. Так, например, мы знаем знаменитую артистку Лидию Русланову, которая в день взятия Рейхстага пела по просьбе бойцов целый день «Липа вековая», «Валенки» и множество других песен.

Когда мы жили в Краснолефортовских казармах в Москве, до нас дошел слух, что приехал ансамбль пляски народов СССР, и нам страсть как захотелось попасть на концерт. У нас не было денег на билеты и вряд ли нас отпустит начальство со смены, а может, мы завтра погибнем, так хотя бы перед смертью насладиться танцами народов СССР.

И наша командирша придумала продать табак в пачках, который нам давали, как и мужчинам, но у нас ни одна девушка не курила, а потом нам сахар к чаю давали по два куска, мы решили чай без сахара пить. Выделили одну девушку бедовую, собрали весь табак и сахар, и отправили ее на рынок, хотя сказали, что ей нужно в больницу. Она быстро все распродала на рынке и купила на всю сумму билеты. Вечером мы все собрались в красном уголке и пригласили нашего офицера, младшего лейтенанта Шестакова. Все девушки стали дружно просить отпустить их на концерт. А он: «А билеты есть?» Одна девушка протягивает ему листы билетов, он взял в свои руки билеты и на наших глазах разорвал билеты сначала вдоль, затем поперек, а затем на мелкие части. «А песок на чердак кто будет носить в случае налета? Быстро на крышу носить песок!» – его ответ. Ох и горько нам было в эти минуты.

Наутро нас этот младший лейтенант ведет в столовую, мы завтракаем в семь часов утра, а он командует: «Соловьева, запевай!». Она молчит. Он снова: «Киселева, запевай!». Та тоже молчит! Значит, шагом марш в столовую, дошли, он командует, правое плечо вперед! И заставил нас три раза бежать вокруг огромного гарнизона. Мы чуть не задохнулись, а столовая примитивная, хорошую разбомбил немец, а тут длинные доски. Десять человек с одной стороны, и десять человек с другой. Тут он с благим матом командует: «Садись! Встать! Садись! Встать! Садись! Встать!». О, боже, изверг, огрызаться нельзя, можно втихую плакать. Покушали, кто не успел, вставай, вышли из столовой и опять бегом до казармы. Наша делегация пошла к полковнику, командиру нашего полка, и все рассказала ему. Тут же нам дали другого командира роты, старшего лейтенанта Хорошилова. У нас была хорошенькая телеграфистка, Таня Соловьева, и было видно, как он в нее втюрился. Взгляды неровные у него и у нее. Вдруг у нее прохудились сапоги, отстала подошва, не в чем было ехать на работу, она сказала ему это, а он бегом, принес ей ботинки 42-го размера военные и обмотки.

У нас влюбляться было запрещено, а переглядываться можно. А тут с нашей Таней казус произошел, она сказала: «Не надену!», а он – наденешь, она – нет. И так три раза, а на четвертый раз он ответил: «Арестовать на 15 суток, на гауптвахту строго ареста!» И нашу Таню повели под конвоем. Двое суток она проплакала, а на третьи она отказалась от пищи. Дело дошло до большого начальства, все было проверено, и ее выпустили. Я так и не знаю, чем закончилась их любовь. Вот так было. Эти два случая говорят, что с нами обращались ни как с женщинами, а как с солдатами. Хотя в армии по-другому, наверное, нельзя.

Хотя, конечно же, у войны не женское лицо. Война выпала на нашу долю, и мы испили эту горькую чашу.

У многих женщин вся грудь в орденах и справа и слева. А как сложилась их личная жизнь после войны? Очень у многих не совсем хорошо. Несколько миллионов мужчин погибло. В 1947 году в первый класс некому было записываться, дети не рождались.

Сейчас я расскажу вам, как мне хотелось купаться тогда в речке. Получили мы тогда с подружкой увольнительные, рядом речка текла Болва. Она широка, а на другом берегу росли незабудки. Чтобы доказать, что я переплыла реку, надо приплыть с незабудками. Страшно. Никого вокруг нет. Тяжело, стала захлебываться, но переплыла. Вышла на берег, нарвала незабудок, они такие голубые - голубые с длинными стеблями. Я заложила за резинку трусов стебли, а цветочки наружу и поплыла. Уже берег близко, а у меня сил нет, но тут Клава забрала меня, и мы доплыли.

Но все обошлось хорошо. И она побоялась плыть на тот берег, я достала цветы и вручила ей. А они голубые - голубые и свежайшие. Цветы – это большая радость, особенно в нашей военной жизни.

Другой случай произошел в Брест-Литовске, на границе с Польшей. Уже война закончилась, и победу отпраздновали. Пошли куда глаза глядят, опять же, мы были в кирзовых сапогах с портянками, юбки повседневные цвета хаки. Солнце нас разморило. Очень нам хотелось искупаться. Спросили у прохожих, где речка. Они нам показали дорогу. Быстро мы дошли, разделись и бегом в воду. Нырjali, кувыркались. И так долго мы наслаждались прохладой, так долго блаженствовали и наконец вылезли из воды. И вдруг смотрим – нашей одежды нет. Там заросли были, но побоялись идти в заросли. И мы в бюстгальтерах и трусах пошли обратно по той же дороге, откуда пришли. Прошли метров двести и вдруг слышим детские голоса и смех. Видим где-то в полукilометре от нас белые панамки и белые халаты взрослых. Наверное, детский лагерь. Мы пошли в этом направлении. Идем туда, вдруг справа лошадь, запряженная в простую повозку. На ней дедушка и железные баки. Дедушка нам: «Здравствуйте, девицы. Куда путь держите?». Мы в ответ: «Ой, дедушка, может быть это пионерские лагерья, помогите нам пожалуйста!». Мы рассказали дедушке, что нашу одежду украли. Он нам ответил, что знает кто украл, и попросил подождать: «Я знаю, кто украл, ждите меня здесь, я отвезу молоко и возьму пустые бидоны и подъеду к вам. Мы найдем вашу одежду». Через некоторое время дедушка подъехал. Он повез нас к какому-то зданию на берегу, где мы купались, и пошел в это здание. Долго его

не было. А потом, видим, несет нашу одежду какой-то человек в казачьей форме. Оказалось, что там размещалась казачья часть, и иногда казаки подшучивали над девушками, прятали их одежду. Спасибо дедушке, век его не забудем.

А еще был случай у меня на дежурстве. Это было в Бобруйске. Глубокой ночью, часа в четыре, сижу я на стульчике, вдруг открывается дверь. Молодой красивый начальник связи несет разобранную кровать. Установил ее и начал помогать ко мне. Я от него выскользнула и побежала прочь. Открыла дверь и бегом в другую комнату. Там располагались кабельщики, они спали, стоял часовой, который тут же скомандовал: «Не подходи, стрелять буду!». А тут начальник связи выскочил из телеграфной комнаты и чуть бегом не побежал на выход. Все остальное время ночи я задрожала от страха, а утром написала докладную начальнику штаба о происшествии ночью.

На следующий день на мое дежурство пришел тот начальник связи и сказал: «Меня отправляют на передовую. Если вернусь живой, я тебе отомщу, я тебе сделаю такое, что ты и до смерти не забудешь».

А этот случай был в Брест-Литовске, там было Варшавское шоссе на Польшу. Однажды по этому шоссе идет огромная колонна людей. А уже война закончилась, отпраздновали победу. Мы с подругой подошли к колонне и увидели, что это были девушки, которых во время войны угнали в Германию. Они идут красивые, хорошо одетые, вниз опустили головы, как будто им за что-то стыдно. Наверное, они не знали, как их встретят дома. Положение их было ненадежное.

Когда я приехала домой, я узнала, что во время войны двух девушек из хороших семей угнали в Германию. Матерей этих девушек сняли с работы и потребовали, чтобы они написали расписку о том, что их дочерей угнали в Германию, что они не переписываются с ними и не знают о их местоположении, и вообще отказываются от них. Позже родителей взяли на работу, но глаз с них не спускали. А одну женщину посадили на десять лет за то, что она помогла немцам найти кого-то, но конечно, с пистолетом у виска. Мужа этой женщины заставили отказаться от нее и не переписываться. Другого выхода не было, надо было растить и кормить двоих детей. Через десять лет, когда женщина вернулась, муж умер от разрыва сердца.

В нашем селе жила странная девушка, она тоже вернулась из Германии. Когда у нее был приступ, она раздевалась догола и бежала по улице. На заднем месте у нее была немецкая треугольная печать. Так вот, бежит она по улице голая к магазинам или в бригаду, где мужчины есть, и хватает любого за руку и хочет увести его куда-то. Однажды она забежала в клуб, всех напугала. Потом ее увезли куда-то. Дальнейшую ее судьбу я не знаю.

Да, во время войны женщинам жилось нелегко, а после войны больше двадцати миллионов остались без мужей. Все тяготы жизни легли на плечи женщин, все было разрушено... В колхозах не было сельхозмашин, женщины впрягали дойных коров и бычков и пахали, а в очень больших случаях впрягались сами.

В 1946 году разразился небывалый голод. Бог оказался немилостив, сна-

чала война, затем голод. Я уже описывала голод 1933 – 1934 годов, но послевоенный голод был еще страшнее. И только в 1947 году, когда стали собирать первые урожаи, люди стали «отходить». И после 1946 года в Советском Союзе голода больше не было.

И я думаю, что это была заслуга колхозов. Почва удобрялась машинами, урожай каждый год все богаче. Подняли целинные земли. И как не злобствуют противники колхозов, но правду никуда не денешь. Каждый апрель снижались цены на товары. Отстраивались города, осваивались целинные земли, промышленность начинала работать. Но многие ведь пришли без рук или без руки, без ног или без ноги, слепы, изуродованы, ко всему с трудом привыкали и преодолевали трудности. Заживали раны участников войны. То, что пережили люди за четыре года войны, это неопишимо. Теперь демократы и новые русские плевали на участников. Но надо подумать, чтобы было с Россией, если бы русские не победили. Если бы меня спросили, что самое трудное в армии для женщин? Я бы им ответила – период менструации. Нет, ни бомбежки, ни обстрелы, ни холод. И вот марш бросок. Я с партнершей иду в строю. В руках на палке несем свой аппарат Морзе и с ящиком, он весит двадцать три килограмма на двоих. На мне гимнастерка, зеленая юбка, кирзовые сапоги, портянки. Подтянута ремнем на плечах скатка из шинели, на правом плече противогаз, на левом за ремень крепится карабин. Жара, и, наверное, от тяжести началась менструация, а у меня не бинтика, ни ватки, ни тряпочки. Что делать? Да ничего. Никому не подавать вида. Мне бы остановиться, нужна вода, но нужно идти, кто будет из-за меня останавливаться. Кругом мужчины, как бы я хотела остаться одна, мне все мешает, но кому это нужно? Никто и не подозревает, что со мною происходит. И если долго идем, порой начинает засыхать и ранит ноги, больно до обморока. Незабываемые минуты. И хотя это раз в месяц, но четыре года подряд. Это много. И конечно, мы не каждый раз идем пешком, но условий для этого случая в армии очень мало. Я думаю, не только за бои и ту работу, которую мы выполняли, а только за то, что мы – женщины, должны были поощряться.

Запомнился мне один случай. Когда немцы окружали Москву и уже в некоторых местах подошли к трамвайному кольцу, командующим было решено установить узел связи, телефон, телеграф в метро. И вот на станции «Площадь Революции» отвели три комнаты под связь. Меня послали туда без механика, я смогла установить аппарат сама. Временно там находиться было можно, но жить все время было тяжело, нехватка кислорода под землей, сырость. Оказывается, у меня держалась малярия, и меня начало трясти, как в Моршанске. Я после войны была в Москве, проезжала станцию «Площадь Революции», я очень волновалась. Все это история. Все это прожито.

*(Покидько В.А. Деревенские рассказы 1929 – 1989: рассказы.
Белгород: Константа. 2011. С. 64 – 82)*